

Э.А. Верцинский

Год революции 1917-1918

Гвардейская стрелковая дивизия в Великой войне

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э1

Э1 **Э.А. Верцинский**
Год революции 1917-1918: Гвардейская стрелковая дивизия в Великой войне / Э.А. Верцинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 61 с.

ISBN 978-5-517-91031-8

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1929 года.

ISBN 978-5-517-91031-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ историческіе дни описываемаго времени событія чрезвычайно быстро слѣдовали другъ за другомъ и не всегда находили отраженіе въ оффиціальныхъ документахъ. Нѣкоторыя явленія не успѣвали зафиксироваться на бумагѣ, а много историческихъ матеріаловъ погибло по злой волѣ, небрежности и безпечности, особенно за время гражданской войны. Неполнота матеріаловъ до нѣкоторой степени должна быть восполнена мемуарами частныхъ лицъ, правдиво описывающихъ тѣ событія и переживанія, которыя имъ пришлось лично наблюдать и испытать. Будущему историку мемуары послужатъ серьезнымъ пособіемъ при изученіи многогранной жизни Россіи того времени, и часто лишь въ обрисовкѣ отдѣльными лицами пережитыхъ ими второстепенныхъ явленій можно будетъ найти правильную и возможно исчерпывающую оцѣнку минувшихъ событій. Эти соображенія подвинули меня къ записи моихъ воспоминаній.

Начало революціи.

Въ половинѣ февраля 1917 года состоялось мое назначеніе на должность начальника штаба 18-го армейскаго корпуса. Съ разрѣшенія начальства я воспользовался 3-недѣльнымъ отпускомъ, который намѣревался провести съ семьей въ Петроградѣ, куда и прибылъ примѣрно за недѣлю до революціи.

Въ Петроградѣ шли разговоры о частичныхъ забастовкахъ рабочихъ на заводахъ, о трудности получать жизненные продукты, объ очередяхъ за хлѣбомъ, но ничего особенно тревожнаго не ожидалось.

Въ четвергъ, 23 февраля, я былъ у начальника штаба Петроградскаго военнаго округа генераль-лейтенанта Тяжельникова, моего прежняго сослуживца по 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и по Чугуевскому юнкерскому училищу. Цѣлью моего посѣщенія была просьба освободить

изъ-подъ ареста бывшего садовника моихъ родныхъ, арестованнаго за нарушеніе воспрещенія проѣзда нижнихъ чиновъ въ трамваѣ. Обѣщавъ оказать возможное содѣйствіе моему протезе, генераль Тяжельниковъ во время разговора товарищескаго характера упомянулъ, что онъ службой вообще доволенъ, но только очень устаетъ отъ обилія работы. На мой вопросъ, что его вѣроятно очень обременяютъ вопросы политическаго характера, онъ меня завѣрилъ, что они его нисколько не затрудняютъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ приобрѣлъ достаточный опытъ, командуя въ Бѣлостокѣ полкомъ во время бывшего тамъ еврейскаго погрома.

Въ пятницу, 24 февраля, вечеромъ я поѣхалъ въ Маріинскій театръ. Сворачивая съ Гороховой на Садовую, я услышалъ въ сторонѣ Невскаго какіе-то крики, которые извозчикъ объяснялъ частичными беспорядками толпы, разгоняемой полиціей. Въ Маріинскомъ театрѣ вмѣсто назначенной къ постановкѣ оперы „Майская ночь“, дали „Каменнаго гостя“, такъ какъ забастовалъ хоръ.

Въ субботу, 25 февраля, около 11 часовъ утра я былъ у 1-го генераль-квартирмейстера Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба генераль-маіора Занкевича, съ которымъ мы одновременно командовали полками въ 37-й пѣхотной дивизіи. При мнѣ ему звонила по телефону его мать и сообщила о нападеніи толпы на Выборгской сторонѣ на полицмейстера Выборгской части и серьезномъ раненіи его. Свѣдѣнія она имѣла изъ первоисточника, такъ какъ сестра Занкевича была замужемъ за петроградскимъ градоначальникомъ генераломъ Балкомъ. Генераль Занкевичъ также особенно опаснаго значенія беспорядкамъ не придавалъ.

Возвращаясь пѣшкомъ по Невскому, я былъ свидѣтелемъ небольшихъ выкриковъ толпы, собравшейся противъ Московскаго Купеческаго банка, и наблюдалъ, какъ воинскіе патрули, взявъ винтовки на руку, разгоняли накапливавшіяся кучки противъ Гостиннаго Двора. Мѣропріятіе это носило довольно безобидный и совершенно безплодный характеръ; образовавшіяся кучки въ одномъ мѣстѣ расходились, а въ другомъ вновь собирались.

Вечеромъ, 25 февраля, я поѣхалъ съ женой въ Царское Село на музыкально-танцевальный семейный вечеръ въ запасномъ баталіонѣ лейбъ-гвардіи 2 стрѣлковаго Царскосельскаго полка, устраивавшійся въ пользу пострадавшихъ отъ войны стрѣлковъ. Общее настроеніе вечера было нѣсколько нарушено тѣмъ, что двѣ роты и учебная команда запаснаго

баталіона были вызваны въ тотъ день въ Колпино, чтобы воспрепятствовать возможности движенія бастующихъ рабочихъ на Царское Село. Все же вечеръ прошелъ очень мило и мы вернулись домой лишь около 6 часовъ утра въ экстренномъ поѣздѣ, заказанномъ для гостей.

Въ воскресенье, 26 февраля, мы около 3 часовъ дня поѣхали изъ Проходящихъ казармъ (уголъ Фонтанки и Гороховой), гдѣ я занималъ казенную квартиру, на Спасскую улицу. Кучеръ присланной за нами кареты былъ очень взволнованъ, говорилъ, что ему съ трудомъ удалось проѣхать черезъ Невскій проспектъ, и боялся, что намъ не проѣхать обратно. На случай какихъ-нибудь задержекъ я велѣлъ ему заявить, что онъ везетъ генерала, пріѣхавшаго съ позиціи. Вскорѣ за Владимірскимъ соборомъ мы переѣхали цѣпь солдатъ, преграждавшихъ Владимірскій проспектъ и видимо получившихъ приказаніе оградить Невскій отъ накопленія толпы; проѣхавъ Невскій, мы переѣхали такую же цѣпь солдатъ на Литейномъ. Далѣе по Литейному, примѣрно противъ угла улицы Жуковскаго, толпа, состоявшая преимущественно изъ женщинъ и подростковъ, бросилась съ панели съ какими-то криками къ каретѣ. Карета остановилась, кучеръ сказалъ кого везетъ, кто-то заглянулъ въ окошко, и карета безпрепятственно продолжала свой путь. Заѣхавъ еще по пути на Кировскую, мы безъ всякихъ дальнѣйшихъ затрудненій достигли мѣста назначенія. Въ отношеніи меня толпа никакой враждебности не проявила и настроеніе ея оставалось для меня не вполне яснымъ. Кучеръ однако былъ настолько перепуганъ, что вечеромъ наотрѣзъ отказался насъ везти домой. Когда около 10 часовъ вечера насъ завезли на Фонтанку въ автомобиль, то улицы были совершенно пусты и всюду царилъ полная тишина.

Въ понедѣльникъ, 27 февраля, я утромъ отправился по дѣлу на Исаакиевскую площадь, затѣмъ былъ въ магазинѣ Александра на Невскомъ, въ Гвардейскомъ экономическомъ обществѣ на Большой Конюшенной и въ Учетномъ Ссудномъ банкѣ на Невскомъ и только во второмъ часу дня вернулся домой. Все было совершенно спокойно; въ Учетномъ банкѣ мнѣ сказали, что отданный наканунѣ приказъ генерала Хабалова о высылкѣ на фронтъ всѣхъ бастующихъ рабочихъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и что настроеніе въ биржевыхъ кругахъ увѣренное и твердое. Только подходя къ дому и переходя черезъ Чернышевъ мостъ, мнѣ показался страннымъ обрывокъ случайно услышаннаго разговора, въ которомъ воз-

бужденно упоминалось о Преображенскомъ полку. Дома меня встрѣтили въ большомъ волненіи. Оказывается уже съ часъ усиленно къ намъ звонили по телефону отъ родныхъ, жившихъ противъ церкви Спасо-Преображенія, гдѣ беспорядки уже шли во всю. Сообщали о томъ, что запасный баталіонъ л.-гвардіи Волынскаго полка, стоявшій въ артиллерійскихъ казармахъ на Басковой, бунтуетъ и вышелъ на улицы, что Преображенскій соборъ обстрѣливается, арсеналь захваченъ, что въ Главномъ артиллерійскомъ управленіи убитъ генераль Забудскій и что зданіе Окружного Суда горитъ.

Во вторникъ, 28 февраля, уже цѣлый день раздавалась ружейная и пулеметная стрѣльба. Въ беспорядки были вовлечены всѣ воинскія части петроградскаго гарнизона. Правительство растерялось. Командующій войсками округа генераль Хабаловъ со штабомъ и остатками вѣрныхъ правительству войскъ укрылся въ зданіи Адмиралтейства. Въ послѣдній моментъ командованіе гвардейскими запасными частями было передано генералу Занкевичу, но время уже было упущено и съ мѣстными войсками нельзя было подавить беспорядковъ. Подъ угрозой обстрѣла Адмиралтейства изъ Петропавловской крѣпости военное командованіе войсками Петроградскаго военнаго округа, вечеромъ 28 февраля, отказалось отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Революція восторжествовала. Государственная Дума, выдѣливъ изъ своей среды Временный Комитетъ, объявила о принятіи на себя управленія страной, и въ городѣ наступило внѣшнее успокоеніе и нѣкоторый порядокъ.

Утромъ 1 марта я поднялся этажомъ выше, чтобы обмѣняться свѣдѣніями о протекающихъ событіяхъ, какъ былъ спѣшно вызванъ къ себѣ внизъ. Оказалось, моего деньщика только что предупредилъ другой стрѣлокъ, что солдаты обходятъ всѣ квартиры и отбираютъ у офицеровъ оружіе. Узнавъ объ этомъ, меня вызвали къ телефону, а висѣвшую въ передней шашку бросили въ верхній ящикъ одного изъ незакрытыхъ сундуковъ, даже ничѣмъ не прикрывъ ее. Почти вслѣдъ за моимъ возвращеніемъ раздался энергичный звонокъ и я еле успѣлъ бросить бывшій у меня револьверъ въ книжный шкафъ за книги. Кромѣ указанного оружія у меня были зашитыя въ рогожу германская и австрійская винтовки, лежавшія довольно открыто въ шкафной.

По открытіи парадной двери въ нее ворвалось человѣкъ 6-7 солдатъ съ заряженными винтовками, во главѣ съ вахтеромъ зданія, державшимъ

въ рукахъ заряженный револьверъ. На предъявленное ко мнѣ требованіе о сдачѣ оружія, я имъ сказалъ, что такового у меня нѣтъ. На выраженное ими удивленіе и явное недовѣріе, я заявилъ, что недавно пріѣхалъ съ фронта, пашку отдалъ въ починку, а револьверъ остался на фронтѣ, такъ какъ я воюю тамъ, а не здѣсь. Къ моимъ объясненіямъ они отнеслись крайне подозрительно и стали дѣлать обыскъ въ квартирѣ, не выпуская изъ рукъ своего заряженного оружія и все время слѣдя за мною. Такъ какъ это были все нестроевые, не умѣвшіе обращаться съ оружіемъ, то это дало мнѣ поводъ съ добродушнымъ видомъ дать имъ нѣсколько насмѣшливыхъ практическихъ указаній. Искали они оружіе довольно нелѣпно: въ шкапчикѣ съ бездѣлушками въ гостиной, среди рюмокъ въ буфетѣ, въ бѣльевомъ шкапу жены. Когда они стали осматривать книжный шкафъ, куда я наскоро сунулъ револьверъ, то я отвлекъ ихъ вниманіе, предложивъ открыть ящики письменнаго стола. Въ шкафной комнатѣ, гдѣ въ незапертой сундукъ была брошена пашка и гдѣ лежали защитые въ рогожу винтовки, ихъ осмотръ къ счастью также былъ довольно поверхностенъ и безрезультатенъ. Выразивъ свое крайнее удивленіе, они съ явнымъ раздраженіемъ отъ неудачи ушли, заявивъ, что придутъ еще разъ, такъ какъ имъ приказано собрать все офицерское оружіе. Въ общемъ они вели себя довольно скромно и, по просьбѣ моей жены, не входили въ дѣтскую. Часа черезъ три пришли ко мнѣ со вторымъ обыскомъ, настаивая на выдачѣ оружія. На сей разъ пашка была спрятана въ печкѣ шкафной комнаты и по инициативѣ деньщика заложена дровами. Ружья мой деньщикъ при содѣйствіи оставшагося при штабѣ стрѣлка вынесъ въ цейхгаузъ штаба. Револьверъ также былъ надежно спрятанъ. Вторая партія искала внимательнѣе, даже заглядывала въ печку, гдѣ находилась пашка, но, увидѣвъ въ ней дрова, дальше не углубилась. Черезъ пару дней въ мое отсутствіе приходили за оружіемъ въ третій разъ и произвели новый обыскъ, тоже безрезультатно.

Начиная съ 1 марта, я ежедневно бывалъ на улицѣ. Первое, что бросалось въ глаза, это стоящіе по всѣмъ направленіямъ автомобили съ лежащими на крыльяхъ солдатами съ навѣшенными черезъ плечо накрестъ пулеметными лентами и наведенными винтовками въ рукахъ. Вообще вооруженіе встрѣчаемыхъ на улицѣ солдатъ было самое разнообразное и иногда представляло изъ себя цѣлый движущійся музей оружія. Почти всѣ были съ красными бантами, встрѣчались одѣтыя черезъ

плечо широкія генеральскія Станиславскія или Анненскія ленты. 1 марта еще не меньше половины солдатъ при встрѣчѣ отдавала честь, затѣмъ это замѣтно уменьшалось съ каждымъ днемъ. Одновременно стали солдатами старательно отпускаться и вычесываться изъ-подъ папахъ живописные чубы, и прорвало какое-то всеобщее лущеніе сѣмячекъ; сплеванная подсолнечная шелуха въ изобиліи валялась на всѣхъ улицахъ и общественныхъ мѣстахъ. У часовыхъ свобода очень скоро проявилась въ томъ, что они стали сидѣть, приставивъ винтовку къ стѣнкѣ.

Крайне непріятное впечатлѣніе произвелъ приказъ военнаго губернатора, члена Государственной Думы и подполковника генеральнаго штаба Энгельгардта, грозившаго всякими репрессіями офицерамъ за якобы отбираніе оружія у солдатъ, что совершенно не имѣло мѣста, а было какъ разъ наоборотъ.

Удручающее впечатлѣніе произвелъ выпущенный 1 марта знаменитый приказъ № 1 совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Ясно было, что, если не будутъ сразу приняты противъ Совѣта энергичныя мѣры, то этотъ приказъ будетъ имѣть самое деморализующее вліяніе на армію.

Тяжело было отъ послѣдовавшаго 2 марта отреченія отъ престола Государя Императора за Себя и Наслѣдника и вслѣдъ за тѣмъ отреченіе отъ престола Великаго Князя Михаила Александровича.

Неумнымъ представлялся роспускъ всей полиціи и отрѣшеніе отъ должности всѣхъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, согласно циркулярной телеграммы князя Львова отъ 5 марта, съ передачей ихъ обязанностей предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ. Помню горячіе споры объ ужасныхъ послѣдствіяхъ, которыя будетъ имѣть приказъ № 1, и о томъ, какъ неумно разрушать все гражданское управленіе страны, смѣняя огульно всѣхъ губернаторовъ. На это мнѣ отвѣчали, что вліяніе приказа № 1 я крайне преувеличиваю, что онъ относится только до города Петрограда, а что касается увольненія губернаторовъ, то такъ полагається по теоріи всѣхъ революцій. Подобная теоретичность взглядовъ была широко распространена.

Наивно прозвучалъ приказъ Керенскаго объ отмѣнѣ смертной казни. Чувствовалось ясно, что твердой власти нѣтъ, и что лѣвыя вліянія берутъ среди Временнаго правительства верхъ.

3-го марта я регистрировался въ канцеляріи петроградскаго общественнаго градоначальника на Гороховой, 2, а 6 марта среди страшнаго

хаоса съ трудомъ получилъ въ Собраніи Арміи и Флота удостовѣреніе на право выѣзда въ дѣйствующую армію и на право ношенія при себѣ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. Подобныя же удостовѣренія выдавались въ Таврическомъ дворцѣ отъ Предсѣдателя Военной Комиссіи Временнаго Комитета Государственной Думы.

**Помощникъ
Петроградскаго Общественнаго
Градоначальника.**

— 00 —

3 марта, 1917 года.
№ 2005.

Петроградъ.
Гороховая, 2—6.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель сего начальникъ штаба Гвардейской Стрѣлковой дивизіи генераль-маіоръ Эдуардъ Александровичъ Верцинскій являлся въ Петроградское Общественное Градоначальство.

Обыску и задержанію не подлежитъ.

Проживаніе въ городѣ разрѣшается.

Дѣйствительно по 1-е апрѣля 1917 года.

Помощникъ Общественнаго
Градоначальника
подписано: Подполковникъ С а л и н ъ.

Военное Министерство.

**Комендантъ
Собранія Арміи и Флота.**

6-го марта, 1917 г.
№ 40552.

Петроградъ.
5 ст.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Выдано сіе отъ Коменданта Собранія Арміи и Флота генераль-маіору Эдуарду Александровичу Верцинскому, начальнику штаба Гвардейской Стрѣлковой дивизіи на право ношенія при себѣ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія.

за Коменданта
подписано: А. Юрьевичъ.

Военное Министерство.

**Комендантъ
Собранія Арміи и Флота.**

6-го марта, 1917 г.

№ 724.

Петроградъ.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Выдано сіе отъ Коменданта Собранія Арміи и Флота начальнику штаба Гвардейской Стрѣлковой дивизіи генералъ-маіору Эдуарду Александровичу Верцинскому на право выѣзда въ дѣйствующую армію до 12 с. марта.

Подписано:

За коменданта

штабсъ-капитанъ Поповъ.

Всѣ бланки были печатные, куда лишь вписывались чинъ, должность, фамилія, № и число.

7 марта я встрѣчалъ на Финляндскомъ вокзалѣ эшелонъ плѣнныхъ, возвращавшихся изъ Германіи, въ числѣ которыхъ находился мой тяжело раненый братъ. Крайне непріятное впечатлѣніе я вынесъ отъ привѣтственныхъ рѣчей инвалидамъ со стороны представителя городской думы, какого-то революціоннаго батюшки и какихъ-то лѣвыхъ ораторовъ.

Городъ за это время внѣшне значительно измѣнился. Окружной Судъ, Литовскій замокъ и рядъ полицейскихъ участковъ были сожжены. Всюду висѣли красные флаги. Усиленно отламывались Императорскіе короны и Государственные гербы, въ особенности на вывѣскахъ магазиновъ бывшихъ поставщиковъ лицъ Императорскаго Дома. Полиція исчезла, а взамѣнъ у ночныхъ костровъ грѣлись добровольные милиціонеры, укомплектованные преимущественно студентами, а иногда, гимназистами и другими юнцами. Во многихъ мѣстахъ были видны слѣды пуль на стѣнахъ и прострѣленные окна.

Настроеніе общества было разное. Большинство военныхъ было удручено, понимая, что армію не удастся удержать отъ развала и что война проиграна. Вся прогрессивная часть общества въ числѣ кадетовъ и даже отчасти октябристовъ была въ радужно возбужденномъ настроеніи, говорила о безкровной революціи, о поразительномъ порядкѣ, еще не оцѣнивъ надвигавшуюся разрушительную силу слѣва. Соціалисты всѣхъ оттѣнковъ торжествовали и усиленно занимались углубленіемъ революціи.

Штабъ 18-го армейскаго корпуса.

10 марта въ 5 ч. 50 м. дня я выѣхалъ обратно на фронтъ къ своему новому мѣсту назначенія, начальника штаба 18-го армейскаго корпуса, стоявшаго въ Карпатахъ. Въ поѣздѣ на Кіевъ весь коридоръ 1-го класса былъ набитъ солдатами, крайне затруднявшими движеніе вдоль вагона. По выходѣ на одной изъ станцій моего сосѣда по двухмѣстному купе, я посадилъ съ собою своего деньщика, держалъ свое купе все время закрытымъ и благополучно избѣгъ насильственнаго внѣдренія въ купе солдатъ, что въ другихъ отдѣленіяхъ имѣло мѣсто.

Въ Кіевѣ я былъ пріятно пораженъ внѣшней опрятностью солдатъ и отданіемъ ими почти всѣми чести встрѣчнымъ офицерамъ.

Прибывъ въ полночь съ 13 на 14 марта въ Черновицы, я въ 9 ч. утра представился командующему 8 арміей генералу отъ-кавалеріи Каледину, а въ 2 ч. 30 мин. на высланномъ за мною автомобилѣ прибылъ въ селеніе Селетинъ, въ штабъ 18-го армейскаго корпуса, гдѣ представился командиру корпуса генералъ-лейтенанту Заіончковскому.

Подъ вліяніемъ всего пережитаго въ Петроградѣ, я ѣхалъ въ весьма подавленномъ настроеніи духа, предчувствуя неминуемую гибель арміи. Первыя впечатлѣнія на фронтѣ были довольно утѣшительныя; революціонный развалъ арміи сюда еще не докатился и войска въ началѣ внѣшне сохраняли воинскій видъ.

Однако въ корпусъ вскорѣ стали наѣзжать изъ столицы разныя личности съ порученіями. Преимущественно это были социалисты разныхъ толковъ, заботящіеся о расширеніи и углубленіи революціи. Помню, какъ одинъ изъ нихъ, явный социалистъ, говорилъ съ солдатами на собранномъ для него начальствомъ митингѣ, что революціонныя требованія надо предъявлять съ запросомъ, считаясь съ тѣмъ, что не всѣ свободы удастся удержать. Онъ сравнивалъ революцію съ пловцомъ, переплывающимъ рѣку съ сильнымъ теченіемъ и вынужденнымъ брать направленіе значительно выше противъ намѣченнаго къ достиженію пункта. Конечно, такія рѣчи смущали солдатъ, вели къ нарушенію порядка службы въ арміи и подрыву дисциплины. Пріѣзжали агитаторы и изъ другого лагеря. Припоминаю трехъ студентовъ Петроградскаго Технологическаго института, прибывшихъ къ намъ съ цѣлью внушить войскамъ необходимость продолженія войны и упорной борьбы съ нѣмцами. Однако ихъ пропа-

ганда, веденная къ тому же неумѣло, успѣха не имѣла; солдаты предлагали имъ взять винтовки и остаться въ окопахъ, если имъ такъ нравится воевать.

Чтобы по возможности воспрепятствовать вліяніямъ извиѣ на войска и успокоить умы, командиръ корпуса въ двадцатыхъ числахъ марта собралъ при штабѣ корпуса особое совѣщаніе изъ выборныхъ представителей классныхъ и нижнихъ чиновъ отъ всѣхъ частей корпуса. Совѣщаніе открылось рѣчью генерала Заіончковскаго, въ которой онъ офицерамъ и солдатамъ разъяснилъ сущность происшедшихъ событій и призывалъ всѣхъ сплотиться предъ лицомъ врага для энергичнаго продолженія войны. Говоря о необходимости поддержанія строгой дисциплины и приводя нѣкоторые отрицательные случаи изъ жизни корпуса, онъ призывалъ солдатъ и впредь довѣрять своимъ начальникамъ и слушаться офицеровъ, которые поставлены руководить ими и всесторонне заботиться о нихъ. Генералъ Заіончковскій рѣчью владѣлъ вполне, говорилъ ясно и въ примирительномъ духѣ. Послѣдовавшія послѣ обращенія командира корпуса рѣчи нѣкоторыхъ ораторовъ носили рѣзкій и даже вызывающій характеръ.

Собранное совѣщаніе невольно и противъ всякихъ ожиданій обратилось въ митингъ. Накопившееся за долгое время раздраженіе, явившееся послѣдствіемъ утомленія войною, неудовольствія политикой правительства, нѣкоторыхъ недочетовъ снабженія, трудностей и лишеній боевой обстановки, мелкихъ личныхъ обидъ въ прошломъ, вдругъ вылилось и обрушилось на офицеровъ и начальниковъ, какъ ближайшихъ представителей власти. Нѣсколько убѣжденныхъ социалистовъ старалось использовать собраніе для муссированія антиофицерскаго настроенія. Въсто смягченія отношеній прозвучали рѣчи, полныя злобы, зависти и непримиримости къ командному составу.

Эта вдругъ прорвавшаяся непримиримость, даже ненависть къ офицерамъ была для большинства совершенно неожиданной въ особенности въ боевой обстановкѣ, гдѣ условія жизни офицеровъ и солдатъ мало разнились между собою, и гдѣ ежедневная возможность смерти всѣхъ уравнивала. Большинство присутствовавшихъ офицеровъ впервые узнало о существованіи глубокаго классоваго расхожденія между солдатами и офицерами, между низшими слоями населенія и его болѣе привилегированной частью.